

ЕЛЕНА МЕЛЬНИКОВА

ЭЛЬДЕР

ЗОЛОТАЯ КЛЕТКА

Елена Мельникова
Эльдер. Золотая клетка
Серия «Эльдер», книга 1

<https://litres.ru/73895658>

SelfPub; 2026

Аннотация

Юлия Зотова — руководитель, привыкшая выживать без инструкций. Но в новом мире у неё отняли всё: имя, статус и даже возраст. Теперь она заперта в молодом теле под чужой крышей, где роскошь — приманка, а забота звучит как ловушка.

Дворецкий здесь слишком вежлив, виконт — слишком внимателен. Чтобы не потерять себя, Юля становится экономкой в этом странном доме. Она еще пытается играть по правилам и наводить порядок в чужих делах, пока не понимает: клетка захлопнулась, а ключ не у неё.

Внутри просыпается сила, о которой лучше никому не знать. Свобода здесь стоит дороже золота, но Юлия Зотова привыкла платить по своим счетам.

Книга 1 цикла «Эльдер»

Елена Мельникова

Эльдер. Золотая клетка

Глава 1 «Чернила прошлого»

Я сидела на широкой лавке у серой каменной стены Наёмного дома и тоскливо рассматривала свои ладони. Даже спустя несколько недель каторжного труда в таверне они отказывались «закаляться». Тонкие пальцы, фарфоровая кожа, аристократичная белизна — эти руки были созданы для того, чтобы перебирать жемчуг или касаться клавиш рояля, а не отскребать жир с чугунных сковородок. Единственное, что напоминало о моей новой «профессии» — болезненное покраснение от ледяной воды и щелочного мыла, которое сходило за ночь, возвращая коже её раздражающую нежность.

Да что там ладони... Всё это тело было моей личной проклятой наградой.

— Ну почему не суровая воительница? — прошептала я под нос, кутаясь в поношенную куртку. — Или хотя бы магичка, которую все боятся?

Я была бы согласна даже на мужское тело, лишь бы не ловить на себе эти липкие, масляные взгляды. В этом мире красота без золота и защиты — не дар, а мишень. Две недели я приходила сюда, в Наёмный дом, в надежде найти место горничной в приличном доме. Работа в таверне «Зим-

ний очаг» выпивала из меня все силы, но последней каплей стал вчерашний случай, когда пьяный постоялец попытался затащить меня в подсобку. Я отбилась тяжёлым черпаком, но поняла: завтра мне может не повезти.

Я сидела здесь уже больше часа. Люди приходили и уходили, сменяя друг друга, как фигуры на шахматной доске, и я невольно начинала различать закономерности.

Молодых парней брали охотно — особенно тех, кто держался уверенно и не сутулился. Женщин рассматривали дольше, задавали больше вопросов, а некоторых разворачивали, едва взглянув. Одна девушка вышла из Наёмного дома с покрасневшими глазами, прижимая к груди потрёпанную сумку. Другая — наоборот, шла быстро, почти бегом, словно боялась передумать.

Я ловила себя на том, что отслеживаю каждый скрип двери, каждый шаг распорядителя, каждый жест соискателей — как будто это могло дать мне подсказку, шанс выбрать правильный момент. Но чем дольше я ждала, тем сильнее нарастало странное ощущение.

Мне казалось, что за мной наблюдают.

Не так, как смотрят мужчины — липко, оценивающе, с привычным интересом. Это было другое. Холодное. Отстранённое. Словно кто-то смотрел не на меня, а сквозь, изучая, примеряясь, взвешивая.

Я украдкой огляделась. Никто из ожидающих не обращал на меня внимания. Каменная стена за спиной была глухой

и равнодушной, окна Наёмного дома — тёмными. И всё же ощущение не исчезло. Напротив — усилилось, будто невидимый взгляд задержался, остановился, сделал вывод.

По коже пробежал холодок. Я поёжилась и плотнее запахнула куртку, стараясь убедить себя, что это всего лишь нервы. Усталость. Последствия бессонных ночей и постоянного напряжения.

Показалось. Просто показалось.

Но внутреннее чувство, то самое, которое редко ошибалось, молчать не хотело. Оно не кричало об опасности — нет. Оно было тише. Спокойнее. И оттого куда страшнее.

— Юля, соберись, — приказала я себе, выпрямляя спину. — В прошлой жизни ты руководила отделом, а здесь не справишься с поиском работы?

Я просидела ещё какое-то время, упрямо цепляясь за эту лавку, словно она могла удержать меня от окончательного провала. Но силы уходили — медленно, капля за каплей. Ноги налились свинцом, плечи тянуло вниз, а в голове шумело от переизбытка чужих лиц, ожиданий и несбывшихся надежд.

Дверь Наёмного дома больше не скрипела. Распорядитель не выходил. Поток соискателей иссяк, словно город выдохся вместе со мной.

Я поняла, что на сегодня всё.

Мысль была неожиданно спокойной. Без истерики, без злости — просто сухая констатация факта. Сегодня мне не

повезло. Сегодня я слишком устала, слишком перенервничала и слишком долго делала вид, что держу себя в руках.

Я поднялась с лавки, чувствуя, как предательски дрожат колени, и на секунду закрыла глаза. Перед внутренним взором всплыло лицо Юноны — сосредоточенное, серьёзное не по возрасту, с той тихой верой, которая всегда заставляла меня идти дальше.

— Завтра, — тихо сказала я самой себе. — Попробуем завтра.

Я развернулась и пошла прочь от серой стены, не оглядываясь. И всё же, уже на другом конце улицы, поймала себя на странном ощущении — будто что-то важное прошло мимо меня совсем рядом. Слишком близко, чтобы не задеть.

Но я была слишком вымотана, чтобы искать этому объяснение.

Дом встретил меня тишиной и тусклым светом. Юнона уже ждала — и это было единственное, что имело значение. Всё остальное могло подождать до утра.

Прошёл день.

Ночь стёрла тревогу лишь поверхностно, не убрав её совсем, а утро вернуло всё на круги своя — холод, необходимость и упрямое чувство, что отступать больше некуда. Я снова шла к Наёмному дому, уже не надеясь на удачу, а скорее проверяя — исчерпала ли я этот путь до конца или всё ещё обязана попытаться.

Ощущение вчерашнего взгляда больше не всплывало так остро, но осадок остался, будто в памяти отпечатался не сам момент, а его тень. Я старалась не думать об этом, убеждая себя, что вчерашняя усталость просто сыграла злую шутку. Сегодня я была собраннее. Холоднее. И готова услышать любое «нет».

Я снова устроилась у каменной стены, наблюдая за соискателями уже не как испуганная девчонка, а почти профессионально — привычка, от которой не так-то просто избавиться.

Вот этот парень — высокий, плечистый, но взгляд мечется, как у человека, который привык, что за него решают. Хорош в подмастерья, где нужен исполнитель, но в доме с интригами продержится недолго.

Тот, что постарше, держится уверенно, но слишком внимательно смотрит по сторонам — из таких выходят либо отличные управляющие, либо источники проблем. Зависит от того, кто первый предложит больше.

Женщина в тёмном платке — аккуратная, сдержанная, руки ухожены. Умеет работать и не лезет вперёд. Её бы в приличный дом, где ценят тишину и порядок, но именно таких часто не берут — слишком незаметные, слишком «без искры».

Я ловила себя на том, что мысленно расставляю людей по полочкам, как когда-то резюме на столе: подходит, условно, категорически нет. И только спустя несколько минут пойма-

ла себя на странной мысли — а не слишком ли умный у меня взгляд для горничной?

Я невольно опустила глаза, будто кто-то мог уличить меня в этом несоответствии. Смешно. Да кто здесь вообще смотрит в глаза? Здесь встречаются по одежке, по походке, по тому, насколько ты готова быть удобной. Всё остальное — лишнее. Даже опасное.

Дверь Наёмного дома со скрипом отворилась, и на порог вышел распорядитель. Он обвёл толпу соискателей скупающим взглядом, который на секунду задержался на моём лице. В этом взгляде не было похоти — только холодный расчёт, как будто он оценивал товар на рынке.

— На сегодня всё, — громко объявил он. — Кроме... ты, в серой куртке. Зайди.

Я вздрогнула. Сердце пропустило удар. Я не знала, кто именно ищет работника, но интуиция, которая в этом мире обострилась до предела, внезапно закричала об опасности. Однако выбора не было. Либо неизвестность, либо подсобка таверны и черпак наперевес.

Я поднялась, чувствуя, как холодный ветер Эльдера пробирает до костей, и шагнула в полумрак здания.

Внутри Наёмного дома пахло старой бумагой, холодным камнем и чем-то неуловимо официальным. После пропахшей кислым пивом и жиром таверны этот воздух казался почти благородным.

Распорядитель — сухой старик с лицом, похожим на пе-

чёрное яблоко — уткнулся в свои записи. Я старалась дышать ровно, хотя ладони предательски вспотели.

— Ваше имя? — не поднимая головы, спросил он. — Юлия... — я осеклась. Здесь меня звали иначе. — Юлианна.

Старик замер, и кончик его пера задрожал над бумагой. Он медленно поднял взгляд, и на этот раз в его глазах мелькнуло нечто странное. Удивление? Или простое любопытство?

— Юлианна, значит, — проскрипел он. — Что ж, господин за девятым столом очень просил пригласить именно девушку с вашими... характеристиками.

Я нахмурилась. Характеристиками? Что он мог знать о моих характеристиках, если я даже рта толком не успела открыть?

Внутри шевельнулось нехорошее предчувствие, которое я привыкла называть «чуйкой». В прошлой жизни она не раз спасала меня от провальных контрактов, и сейчас она просто вопила: «Уходи!». Но образ грязной кухни таверны и лицо того постояльца, который вчера слишком крепко схватил меня за локоть, стояли перед глазами. Я сглотнула и кивнула.

— Проходите. Девятый стол в конце зала, за ширмой. Господин не любит лишних глаз.

Я поднялась и на негнущихся ногах направилась вглубь помещения. Зал был разделён на зоны тяжёлыми бархатными шторами — видимо, для тех нанимателей, кто предпочитал анонимность.

Возле девятого стола было темно. Лишь одна свеча в тяжёлом подсвечнике бросала дрожащие блики на полированное дерево. Мужчина сидел ко мне спиной, и даже в этом положении от него веяло какой-то монументальной неподвижностью. Седой затылок, тяжёлые плечи, обтянутые дорогим сюртуком — во всём его облике читалась порода и вековая усталость. Он не обернулся, когда я подошла, но я физически почувствовала, как воздух вокруг стал тяжелее, словно в комнате внезапно выкачали кислород.

— Садитесь, Юлианна, — раздался голос. Он был сухим и скрипучим, как старый пергамент, но в нём слышалась привычка отдавать приказы, которые не обсуждаются.

Я послушно опустилась на стул напротив. И когда он, наконец, медленно повернул ко мне лицо, я невольно выдохнула. Это был глубокий старик. Сеть морщин изрезала его лоб и щёки, а кустистые седые брови почти скрывали глаза. Но когда он взглянул на меня в упор, я напряглась ещё сильнее.

Из-под этих старческих бровей на меня смотрели глаза цвета закалённой стали. Пронзительные, пугающе живые и совершенно не соответствующие этому лицу. Он смотрел на меня так, будто видел не просто посудомойку в дешёвой куртке, а призрака, которого он не ожидал увидеть.

— Напрасно вы так напряжены, — он откинулся на спинку своего кресла, продолжая изучать меня пугающе внимательным взглядом. — Не стоит меня бояться, Юлианна. Пока что.

Я сглотнула, стараясь сохранить лицо. В прошлой жизни я видела таких людей — «акул» бизнеса, которые съедали конкурентов на завтрак. Но этот человек был опаснее. От него веяло силой, которая не имела отношения к деньгам.

— Вы искали работу в приличном доме, — он не спрашивал, он констатировал факт, листая папку с моими данными. — Моему поместью нужна помощница. Требования просты: исполнительность, молчание и.. отсутствие лишних вопросов.

— Какого рода обязанности? — мой голос прозвучал на удивление твёрдо, хотя сердце колотилось где-то в горле.

Его губы тронула едва заметная усмешка.

— Самые разные. Вы будете находиться в моём полном распоряжении. Взамен вы получите кров, защиту и оплату, которая позволит вам... — он сделал паузу, и его глаза на мгновение вспыхнули странным огнём, — искупить некоторые старые долги.

— Долги? — я нахмурилась. — Простите, но у меня нет долгов. Я живу в этом городе всего ничего.

Наниматель вдруг подался вперёд, вторгаясь в моё личное пространство. Запах дорогого табака и морозного воздуха окутал меня.

— Память — штука ненадёжная, не так ли? — прошептал он. — Иногда нам кажется, что мы начали жизнь с чистого листа, но чернила прошлого проступают сквозь любую бумагу.

По спине пробежал настоящий мороз. Я не понимала, о чём он говорит, но в этом шёпоте чувствовалась личная, застарелая ярость. О чём он? Какое прошлое? Чьи долги?

Старик за столом замолчал, медленно перебирая пальцами по гладкой поверхности стола. Его перстень глухо стучал по дереву, отмеряя секунды моего нарастающего беспокойства.

— Откуда вы? — наконец продолжил мужчина, не сводя с меня своих пугающе молодых глаз.

— Издалека, — дала я честный ответ, возвращаясь взглядом к господину, сидевшему напротив.

Ему явно не понравился мой ответ. Морщины на его лбу собрались в глубокие складки, а кустистые брови сошлись на переносице.

— Хорошо. Не хотите отвечать на этот вопрос, тогда ответьте на другой. Кто ваши родители?

Почувствовав, как внутри закипает раздражение, я сцепила пальцы в замок. С какой стати я должна отвечать на вопросы, которые никак не касаются моей работы? Или он ищет экономку с безупречной родословной до седьмого колена?

— Мои родители были обычные люди. Теперь их нет, — кратко поведала я и неожиданно грустно вздохнула, вспомнив своих настоящих родных, оставшихся в том, другом мире. — Господин, зачем эти вопросы про моё прошлое? Разве для того, чтобы следить за чистотой в доме, вам нужна моя

биография?

Старик подался вперёд, и свеча между нами на мгновение вспыхнула ярче, отразившись в его стальных зрачках.

— Чистота в доме — дело наживное, Юлианна, — проскрипел он, намеренно растягивая имя. — А вот чистота совести и отсутствие... скелетов в шкафу — это то, что меня интересует в первую очередь. Вы кажетесь мне человеком, который слишком усердно пытается что-то забыть. Или спрятать.

Я замерла. Откуда он мог это знать? Это была случайная догадка или он видел меня насквозь?

— У каждого есть право на свои секреты, если они не мешают делу, — отрезала я, понимая, что этот разговор мне нравится всё меньше и меньше.

Старик молчал, лишь его стальной взгляд продолжал изучать моё лицо, словно пытаясь найти в нём трещину.

— Справедливо, — наконец проскрипел он. — Но вернёмся к делу. Если вы согласитесь, вы будете находиться в моём полном распоряжении.

Опять эта расплывчатая фраза. В моём прошлом мире такие формулировки в трудовых договорах обычно заканчивались в суде или в криминальной хронике. А в этом мире, где у женщины прав явно меньше, чем обязанностей, это звучало как прямой путь в рабство.

— «В полном распоряжении»? — я переспросила, намеренно выделив каждое слово интонацией. — Давайте уточ-

ним этот пункт, господин. Мы сейчас обсуждаем найм работника или покупку имущества? Что именно входит в это ваше «распоряжение»?

Старик слегка наклонил голову набок, и в полумраке за ширмой мне показалось, что его глаза на мгновение вспыхнули азартом.

— Вы хотите конкретики, Юлианна? — его голос стал ещё суше.

— Я хочу ясности, — поправила его. — Моё рабочее время, мои прямые обязанности по дому, уборка, отчётность — это я понимаю. Но я не подпишусь под формулировкой, которая позволяет нанимателю распоряжаться моей... — я сделала паузу, подбирая слово, — личной свободой. Я буду выполнять только те поручения, которые касаются хозяйства. Всё остальное — вне рамок нашего договора.

Старик неожиданно издал звук, похожий на сухой смех, перешедший в кашель. Он постучал перстнем по столу.

— Вы удивительно колючая для девушки в таком положении. Хорошо. Мы ограничим распоряжение стенами моего поместья и бытовыми нуждами. Никакого принуждения к.. иным услугам. Теперь вы довольны?

Я посмотрела в его серые глаза. Всё внутри кричало, что это ловушка. Человек такой силы не идёт на уступки просто так. Он слишком легко согласился, а значит, у него есть другие способы получить то, что он хочет. Страх окутал меня липкой волной, и я поняла — не могу. Просто не могу идти

к нему.

— Нет, — твёрдо сказала я, поднимаясь со стула. — Простите за потраченное время, господин, но я передумала. Нам не стоит подписывать этот договор.

Он не шелохнулся, но атмосфера за ширмой мгновенно стала ледяной.

— И какова же причина вашего отказа? Вы предпочитаете вернуться к помоям в таверне?

— Причина в том, что я не одна, — я выпрямила спину. — У меня на руках младшая сестра.

Я уже развернулась, чтобы уйти, чувствуя, как дрожат колени, когда его голос ударил мне в спину:

— Ребёнок? — в его интонации появилось нечто новое. — Маленькая девочка?

Я остановилась, не оборачиваясь.

— Это меняет дело, Юлианна. Если вы боитесь за сестру, то знайте — в моём поместье у неё будет своя комната, горячее питание и учитель. Разве вы сможете дать ей это в «Зимнем очаге»? Там, где её ждёт судьба кухонной замарашки в лучшем случае?

Он ударил по самому больному. По моей ответственности. По моей любви к Юноне.

— Давайте обсудим условия для вашей сестры, — голос старика-нанимателя стал вкрадчивым, но в нём всё равно проступала какая-то странная, неуместная для его возраста энергия. — Я готов вписать её содержание в договор.

Я смотрела на его руки — сухие, жилистые, с крупным перстнем на указательном пальце. Что-то в этом человеке заставляло мои волосы на затылке шевелиться. Он предлагал золотые горы, но в его глазах я видела не доброту, а желание запереть меня в клетку.

— Нет. Предложение заманчивое, господин... простите, не знаю вашего имени. Ищите себе другую помощницу.

Я не стала дожидаться ответа и почти бегом бросилась к выходу из Наёмного дома. Мне казалось, что его взгляд жжёт мне спину даже сквозь тяжёлую дубовую дверь.

Выйдя на улицу, я некоторое время просто ловила губами колючий морозный воздух Эльдера, пытаюсь вернуть мыслям ясность и спокойствие.

«Дура ты, Зотова, — привычно ругнула я себя, ускоряя шаг. — Такое место упустила! Комната, еда, учителя для Юны... А вдруг он и вправду просто одинокий старик, которому нужна помощь?»

Но внутренний голос тут же огрызнулся: «Одинокие старики не смотрят так, будто хотят препарировать тебя взглядом. Или освежевать».

Я должна была вернуться к Юноне. У нас оставалось совсем немного денег, и завтра мне снова придётся идти в «Зимний очаг» — к бесконечным жирным сковородкам и липким рукам пьяных постояльцев. Но зато сегодня мы будем вместе, и никто не будет требовать от меня «искупления старых долгов».

Вот же мозгоед! Ему хватило несколько минут, чтобы я потеряла контроль. Я! Женщина, которая в прошлой жизни на таких «индюков» смотрела исключительно снисходительно, твёрдо зная себе цену. Но здесь не было моего крутого отчима, не было въедливой, но любящей мамы и верных друзей, готовых в любую минуту подставить плечо. Здесь я была одна.

Я — слабая магичка с парой жалких бытовых заклинаний в арсенале. Мне страшно. И этот страх заставлял сердце биться о рёбра, как пойманную в силки птицу.

К тому же, я до сих пор ничего не знала о девушке, чьё тело заняла. Как она оказалась в лесу? Почему на ней было изорванное платье в кровавых разводах? Кем были её родные — спасителями или теми, кто хладнокровно отправил её на смерть? Ответов не было.

...После того, как меня сбила машина, я очнулась в лесу. Долго не могла понять: если я выжила, то почему вокруг замёрзшие сосны, а не стерильная больничная палата? Попытавшись подняться, я запуталась в подоле длинного белого платья и едва не рухнула обратно на землю.

Три дня я плутала в поисках дороги, сбивая босые ступни в кровь. Желудок уже не бурчал, а тихо поскуливал от изнуряющего голода. Но страшнее всего было само тело. Оно было чужим. Маленькие ладошки с короткими ноготками точно не могли принадлежать мне. Бёдра стали слишком узкими, а грудь... мой полноценный четвёртый размер, пред-

мет моей гордости, уменьшился вдвое!

На исходе четвертого дня сознание просто погасло...

Глава 2 «Сестра из весеннего леса»

Наша каморка была размером с приличный шкаф в моей прошлой квартире, но я подошла к её обустройству с дотошностью руководителя отдела, привыкшего к жесткому аудиту. Я расставила наши скудные пожитки так, чтобы каждый сантиметр пространства работал на нас, как отлаженный бизнес-механизм. Книжки Юны — на узкую полку (строгая каталогизация по росту!), наши две смены белья — в чистый сундук, который я лично отдраила до блеска. Даже здесь, среди дырявых стен, я инстинктивно пыталась создать «корпоративный стандарт» чистоты и порядка. Глядя на Юну, я понимала: я не просто выживаю, я провожу реструктуризацию нашей жизни. Пусть пока наш «капитал» — это пара медяков и старая солома, но фундамент должен быть идеальным.

Юнона сидела на кровати у крохотного окошка. Она увлечённо читала потрёпанную книгу — одну из тех, что я сторговала за медяшки у вредного букиниста. На тумбочке дожидались своей очереди ещё несколько томов.

Малышка вскинула на меня ярко-зелёные глаза и с радостным писком бросилась на шею. Она не могла сказать ни слова, но её объятия были красноречивее любых речей. Я ласково погладила её по тёмной макушке, чувствуя, как отступает холод.

Юнона всегда чувствовала моё состояние быстрее слов. Её пальцы на мгновение задержались на моих запястьях — там, где кожа была особенно холодной, — и только потом она прижалась крепче, будто пыталась согреть меня целиком. В очередной раз поймала себя на мысли: пока она рядом, я не имею права разваливаться. Ни на страх, ни на усталость. Даже на сомнения.

Ответственность больше не давила — она держала.

Нащупав в моём кармане леденцовую конфету, Юна милостиво разжала руки. Её взгляд замер на мне — немой, но такой ясный вопрос.

— Нет, солнышко, сегодня не повезло, — ответила я на её безмолвную надежду. — Но чувствую: если не завтра, то послезавтра работа точно найдётся.

Я не лгала. В этом мире у меня обострились предчувствия, а горькая правда всегда казалась мне надёжнее сладкой лжи. Юнона должна знать: жизнь — не сказка о прекрасном принце. Это борьба, где женщине приходится зубами и ногтями вырывать своё право на свободу.

Вдруг я замерла, вспомнив серые глаза старика из Наёмного дома. «Чернила прошлого проступают сквозь любую бумагу», — сказал он.

Он был отчасти прав: кто бы ни была та девушка, в чьём теле я теперь жила, её прошлое может догнать нас в любую минуту. И мне нужно было стать намного сильнее бытовой магии, чтобы защитить свою немую сестрёнку.

...Без сознания я пролежала всего лишь ночь. Утром меня нашла старушка-отшельница. Оказалось, я не дошла до её хижины каких-то пару десятков метров. В дом меня внес её помощник и бережно уложил на тёплую печку.

Стоило телу немного отогреться, я пришла в себя и первым же делом поинтересовалась, в какую глушь меня занесло. И не вина старушки, что ответ не вызвал в моей памяти решительно никаких ассоциаций.

Но настоящий культурный шок настиг меня через два дня, когда я впервые нашла в себе силы самостоятельно доползти до ближайшего куста, исполнявшего здесь роль дамской комнаты с видом на живую природу.

Там я и увидела помощника.

Представьте себе бурого медведя. А теперь увеличьте его в полтора раза, чтобы макушкой он доставал до крыши нашего домика. Так вот, этот лохматый исполин сосредоточенно рубил дрова.

Знаете, что меня поразило больше всего? Нет, не сам факт дружбы бабушки с хищником. И даже не то, что он не закусил мною по дороге к печке, решив, видимо, что я слишком тощая и костлявая для приличного обеда.

Я стояла, вцепившись в кору дерева и совершенно забыв, зачем, собственно, сюда пришла. В моей голове билась только одна здравая мысль: как?! Как он своими огромными когтищами, которыми можно распороть лося, умудряется так ювелирно держать топорище?

Медведь тем временем по-хозяйски сплюнул (клянусь, он это сделал!), поправил бревно мохнатой лапой и с ювелирной точностью вогнал лезвие в самый центр чурбана. Щпа-ах! И две идеальные половинки разлетелись в стороны. В моей прошлой жизни опытные плотники работали с меньшим энтузиазмом, а этот лесной дровосек только что не насвистывал себе под нос, демонстрируя чудеса производительности.

Я просто стояла и смотрела, как гора меха и когтей аккуратно складывает поленищу, и понимала: в этом мире законы логики пасуют перед непредсказуемой магической реальностью...

Да, лес был жестоким, холодным и равнодушным — но честным. Он не обещал защиты, не манил теплом и не приотворялся безопасным. Город же встречал светом, крышей и правилами... за которыми всегда скрывалось что-то ещё. Наверное, именно поэтому воспоминания о лесной глуши до сих пор не вызывали во мне страха — только настороженное уважение.

...Медведь, которого я про себя окрестила Потапычем, был ходячим нарушением всех известных мне законов биологии. В прошлой жизни я видела медведей только в передачах про дикую природу или на картинках, и там они не занимались заготовкой дров.

Наблюдая, как этот лохматый исполин в очередной раз ювелирно управляется с топором, я поймала себя на мыс-

ли, что уже не удивляюсь, а пытаюсь составить его должностную инструкцию. «Так, физическая выносливость — 10 из 10, навыки ручного труда — экспертный уровень, лояльность руководству в лице Бабушки — абсолютная».

Когда он закончил работу и, по-хозяйски отряхнув лапы, заглянул в окно, я едва не подавилась настоем. В его маленьких глазках светилось не звериное бешенство, а какая-то философская скука. В тот момент я окончательно поняла: мой диплом магистра менеджмента здесь можно смело использовать для растопки печи. Здесь нужно учиться заново — видеть магию в обыденном и не падать в обморок, когда дровосек предлагает тебе партию в шахматы... или просто не съедает на завтрак...

Оставшееся до работы время пролетело за подробным рассказом Юноне о моём несостоявшемся нанимателе. На этот раз отказали не мне — отказала я. Сестрёнка не позволила отделаться парой фраз, требуя полного отчёта своими внимательными зелёными глазами.

Сейчас, под защитой скрипучих деревянных стен, странный господин с его пугающими словами казался чем-то далёким. Он остался в прошлом. По крайней мере, я на это надеялась. Трусливая мыслишка «пару дней не показываться в Наёмном доме» была решительно изгнана. Есть слово — надо!

Пообещав Юноне принести что-нибудь вкусненькое, я отправилась на работу.

Вечерело. Таверна наполнялась гулом голосов и запахом жареного мяса. Моя смена — с семи вечера до шести утра. Самый ад начинался к десяти: горы грязной посуды, пар, жир и бесконечная суэта.

Моё рабочее место было «чудом» местной технической магии: два огромных чугунных котла на огненных плитах. В одном — кипяток для мытья, в другом — вода для ополаскивания. Помню, как первые дни я работала словно в тумане. Тело ныло так, что я была потеряна для общества, и даже тихая Юна старалась вести себя ещё тише, видя мою измождённую физиономию.

Однако человеческая психика — штука адаптивная. Спустя неделю, когда первый шок от физической боли в спине и ломоты в суставах немного притупился, я начала потихоньку вытягиваться в ритм. И вот тут во мне проснулся «монстр», которого не смогли убить ни магические перемещения, ни потеря социального статуса. Мой мозг, годами натренированный на управление структурами и поиск слабых звеньев, просто не мог долго находиться в состоянии пассивного и бездумного исполнителя.

Я ловила себя на том, что с нарастающим раздражением смотрю на хаос, царивший в моечном отделении: грязные тарелки сваливались в одну кучу с жирными сковородами, чистая вода расходовалась нерационально, а траектория моих передвижений между котлами была до ужаса неэффективной. Профессиональный зуд «сделать лучше» оказался

сильнее усталости. В какой-то момент я просто не выдержала и решила, что если уж мне суждено какое-то время быть на дне, то это будет самое организованное и эффективное «дно» в истории Эльдера.

Работа посудомойщицей стала для меня сокрушительным падением по карьерной лестнице, и чтобы не сойти с ума от монотонности, вони и уязвлённой гордости, я начала оптимизировать процесс. Разделила посуду по категориям сложности загрязнения, выстроила логистическую цепочку от котла с кипятком до сушильных полок. Хозяин таверны поглядывал на меня с опаской — его явно смущала скорость, с которой я расправлялась с горами жирных тарелок. Он-то не знал, что в моей голове в этот момент крутились не молитвы Богам Эльдера, а графики эффективности. Это помогало не чувствовать себя жертвой обстоятельств. Я была временным сотрудником на плохом контракте, не более того.

Почему я не использовала заклинание Чистки? В моём нынешнем положении это было бы крайне неэффективным распределением ресурсов. Мой магический резерв больше напоминал изношенную батарейку старого смартфона. К тому же, в мире, где красота без защиты и так является мишенью, магические способности в руках бесправной девчонки превратились бы в огромный светящийся баннер: «Подойди и заberi меня». Лишнее внимание и вопросы о моих талантах были мне нужны меньше всего, поэтому я сознательно выбирала анонимность.

Почему я так легко изменилась? Наверное, дело в целях. Раньше меня волновало, как бы нескучно провести вечер. Теперь — как выжить и не потерять свободу, оказавшись в кабале у какого-нибудь мужчины. Здесь это случилось сплошь и рядом.

Работа посудомойщицы была унижительной, тяжёлой и бесконечно далёкой от всего, чем я когда-то жила, но в ней было одно неоспоримое достоинство — она не требовала ничего, кроме рук и выносливости. Ни улыбок. Ни покорности. Ни обещаний быть «удобной». Я точно знала, где заканчивается моя смена и начинается моя жизнь, пусть и жалкая на вид.

Это был плохой выбор — но честный. А честные выборы в этом мире стоили дороже гордых.

Говорят, что тридцатилетним тяжело менять менталитет и расставаться со своими «тараканами». Но старая истина гласит: «Хочешь жить — умей вертеться». Жить хотелось. А ещё больше хотелось жить после того, как в моей жизни появилась Юнона.

...Юнону я встретила в том же лесу, где очнулась сама. Точнее, она меня нашла. Маленькая, чумазая, она поразила меня обречённостью, плескавшейся в ярко-зелёных глазах. Разве может у ребёнка быть такой взгляд? Что она пережила? Это осталось тайной. Юна не могла говорить — но не с рождения, а, как и я, пережив нечто такое, что стёрло её память и голос.

Это случилось незадолго до того, как я покинула убежище Бабушки — старушки-отшельницы, которая выходила меня и научила азам магии. Она умерла тихо, наказав мне уходить через двадцать дней. Помощник-медведь перестал меня навещать, и лес опустел.

Помню то утро: я сидела на завалинке, тренируя заклинание Чистки на старой коряге, и вдруг увидела её. Грязная, дрожащая от холода и голода, она представляла собой жалкое зрелище. Сколько дней она плутала по весеннему лесу, где ночи ещё дышали льдом?

Я просто протянула к ней руки, и с тех пор мы не расставались...

После ночной смены я вернулась уставшая, но счастливая. Хозяин таверны выплатил жалование полностью и день в день — повод для радости в наше время!

Юнона ещё сладко спала. Кошмары, наконец, отступили, и я всё чаще надеялась, что её немота — временная, психологическая. Ведь она иногда попискивала от щекотки как обычный ребёнок. Значит, где-то внутри её голос просто ждёт своего часа.

Поставив корзинку с едой на стол, я пристроилась к тёплому боку сестры и мгновенно провалилась в сон.

Проснулась около полудня с удивительным предчувствием чего-то хорошего. Юна уже позавтракала и тихо читала в углу.

— Привет, малыш, как спалось? — я с удовольствием

потянулась. Юнона улыбнулась и показала большой палец вверх.

Бодро выбравшись из-под одеяла, я плеснула в лицо тёплой водой. Хозяин таверны всё-таки выделил нам маленькую огненную плиту для подогрева, и я каждый раз вспоминала его добрым словом.

Вообще, мне везло.

Кто-то скажет: «Чему тут радоваться? Посудомойка, обноски, каморка на чердаке». И формально будет прав. Мои ладони, привыкшие к дорогим кремам, теперь ныли от ледяной воды и едкой щелочи. Спина, державшая идеальную осанку на совещаниях, ломилась после смены в «Зимнем очаге». Я жила в комнатухе, где сквозняк был единственным бесплатным гостем, а из имущества у меня были только старый плащ да пара медяков в заначке.

Минусов хватало — от липких взглядов завсегдатаев таверны до постоянного чувства, что я нахожусь на самом дне этой новой, непонятной пищевой цепочки.

Однако во всем можно найти плюсы, если смотреть на мир не глазами жертвы, а глазами выжившего.

Я была жива. И это был главный актив. Я была свободна — никто не указывал мне, что говорить и как дышать, я не была заперта в стерильном офисе или чужом особняке. Каждый отмытый чан приближал меня не к богатству, а к пониманию правил этого мира. Я училась быть незаметной, училась слушать и слышать то, что не предназначено для чужих

ушей.

А самое главное — рядом со мной был родной человек. Юна. Моя точка сборки. Пока она улыбалась, уплетая свои сушеные яблоки, любые обноски казались просто временной спецодеждой. В конце концов, статус — дело наживное, а право распоряжаться собственной жизнью стоит того, чтобы пару месяцев поскрести чугунные сковородки.

После водных процедур я натянула шерстяное платье. Подогрела травяной настой и с наслаждением откусила кусок вчерашней булочки.

— Юнона, у меня хорошее предчувствие, — сообщила я сестре. — Вот увидишь, скоро мы улучшим и жильё, и финансы.

Малышка заразилась моей радостью, забралась ко мне на колени и крепко обняла.

— Всё будет хорошо, милая. Главное — мы вместе.

...Последняя неделя в лесном убежище пролетела быстро. Девчушку я отмыла и немного откормила. Своё имя она не помнила, и я предложила ей несколько имён из рассказов Бабушки. Так она стала Юноной. Мы договорились представляться сёстрами-сиротами из глухого леса: мол, родители не вернулись с зимней охоты, и мы решили перебраться к людям. Легенда была готова, котомки собраны, и на двадцать первый день после смерти Бабушки мы отправились в город...

Добравшись до Наёмного дома, я зарегистрировалась под

номером семь. На удивление, соискателей сегодня было мало — обычно я была в третьем десятке.

Присев на лавку, я закрыла глаза, подставляя лицо апрельскому солнцу.

... «Вспомнить» местную грамоту мне помогла Бабушка. Она сразу поняла, что я «не от мира сего», и решила на эксперимент. С помощью трав ввела меня в транс, чтобы освободить «память тела». Очнувшись, я поняла, что всё получилось и могу читать и писать на человеческом языке Эльдера.

— Бабуль, а ты поможешь мне вспомнить жизнь девушки, которую я заменила? — спросила я тогда. Старушка хмуρο посмотрела на меня и постучала клюкой по полу:

— Могу. А оно тебе надо? Ты готова помнить две жизни? Её страхи, надежды, страдания? И самое последнее — её смерть? Ты не только вспомнишь, ты это прочувствуешь.

— Нет! — поспешино ответила я.

Лишние знания — это хорошо, но умирать заново, пусть и в чужих воспоминаниях, мне не хотелось. Пусть прошлое остаётся в прошлом. Теперь это моё тело и моя жизнь...

Я открыла глаза и вдруг ясно поняла: сегодня я иду не просить. Я иду проверять — себя, этот город и его правила. Если мне снова скажут «нет», я выдержу. А если скажут «да»

...

С этим «да» придётся быть куда осторожнее.

— Номер семь, ко второму столу! — зычный голос рас-

предделителя вырвал меня из грёз.

Я глубоко вздохнула. Внутри всё пело от предчувствия чего-то светлого. И всё же где-то глубоко, под этой радостью, жило странное чувство — будто решение уже принято.

Только не мной.

Глава 3 «Золотой контракт»

Второй день подряд судьба подсовывала мне нанимателей-мужчин. Но сегодняшний господин был прямой противоположностью вчерашнему. Высокий, подтянутый, в строгом тёмном костюме, который идеально подчёркивал крепкое телосложение. Он стоял боком ко мне, нетерпеливо постукивая перчатками по ладони, но стоило мне подойти, как он обернулся.

Это был красивый молодой человек, на вид не больше двадцати пяти лет. Аристократичные черты, тёмные ухоженные волосы и... глаза цвета закалённой стали. Впрочем, внешность в этом мире была обманчивым ориентиром: чем выше стоял человек на магической лестнице, тем меньше его облик зависел от прожитых лет. За этой юношеской безупречностью вполне могла скрываться зрелость, чей истинный масштаб не рискнул бы угадать никто.

Внешне они были совершенно разными, не имея ни единой общей черты, но глаза странным образом казались почти идентичными — тот же холодный, металлический блеск, который я видела вчера у визитёра.

Он одарил меня вежливой улыбкой и, когда мы сели за

стол, сразу перешёл к делу.

— Юлианна, вы указали, что ищете место горничной. И при этом владеете грамотой. А как у вас с арифметикой?

Я насторожилась. Горничной дебет с кредитом сводить ни к чему. Я указала этот навык в анкете лишь для того, чтобы поднять свою цену в глазах нанимателей.

— Вполне хорошо, — ответила я сухо.

— Отлично! Вы просто кладёшь сюрпризов, Юлианна. Что вы скажете, если я предложу вам иную, более оплачиваемую работу? Экономка в моём городском особняке.

Я едва не поперхнулась. Экономка? Я — малолетняя пугалица без рекомендаций и крыши над головой?

— Какой у вас титул, господин? — выдавила я сквозь стиснутые зубы, пытаясь не нагрубить за такую сомнительную шутку.

— Влас Яродан, виконт Адонийский, — представился он, и в его голосе прозвучало не бахвальство, а спокойная уверенность человека, которому титул принадлежит по праву рождения.

Я на секунду замерла, переваривая услышанное. Виконт? Здесь, в заштатном Наёмном доме, лично проводит собеседование на должность экономки? Что ты здесь забыл, сиятельство? Такой высокий, недостижимый... и такой подозрительно внимательный.

Люди такого полёта не тратят время на разговоры с девочками с улицы. У них для этого есть управляющие, штаты

юристов и целая армия слуг. То, что он сидел здесь сам, выбивалось из любой логики. Это было всё равно, что ловить рыбу в мутной луже, когда у тебя в распоряжении целый океан. И тот факт, что в качестве «улова» он выбрал именно меня, заставил мою внутреннюю бизнес-леди включить сигнал тревоги на полную мощность.

— Боюсь, мои бумаги вас разочаруют, — произнесла я, сохраняя внешнее спокойствие, хотя внутри всё сжималось. — Для должности такого уровня у меня нет подходящих рекомендаций. То, что я могу предоставить — лишь отзывы из мест, которые вряд ли заинтересуют человека вашего круга.

Виконт слегка подался вперёд, положив свои безупречные перчатки на стол. Его взгляд, холодный и пронзительный, казалось, прошивал меня насквозь, выискивая малейшую ложь.

— Рекомендации — это всего лишь бумага, Юлианна. Их можно купить, подделать или получить по знакомству, — его голос звучал ровно, с той самой интонацией человека, который привык видеть людей без прикрас. — Здесь рекомендации часто стоят меньше, чем чернила, которыми они написаны. Мне не нужны восторженные отзывы от ваших прежних хозяев.

Он едва заметно усмехнулся, увидев, как я сжала кулаки.

— К тому же, у меня нет времени на долгие поиски. Через несколько дней я отбываю в столицу. Моя бывшая экономка бросила дом в самый неподходящий момент, а мне ну-

жен кто-то, кто не побоится взять на себя ответственность, и не будет трепетать перед каждым моим словом. Вы кажетесь мне именно такой. Неужели я ошибся, и вы предпочтёте и дальше чистить котлы в таверне, прикрываясь отсутствием «бумажек»?

Этот вызов был брошен профессионально. Он бил по самолюбию и по здравому смыслу одновременно.

— Вы рискуете, милорд, — заметила я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Нанимать человека с улицы на такую должность — это либо крайняя степень отчаяния, либо очень тонкий расчёт.

— В моём случае — и то, и другое, — парировал он, и в его стальных глазах снова мелькнула та самая искра, которую я видела у вчерашнего старика. — Так что вы скажете? Вы готовы доказать, что стоите больше, чем пачка фальшивых рекомендаций?

Я молчала, лихорадочно взвешивая все «за» и «против». Сердце подсказывало — беги, разум твердил — хватайся. Перед глазами на миг всплыли жирные котлы таверны и бледное личико Юноны. Что я теряю? Свою гордость? Она не накормит ребёнка. Свою безопасность? В таверне её ещё меньше.

Эх, была не была! В конце концов, я Зотова или кто? Вроде бы всё выглядит пристойно, а с его подозрительным интересом я разберусь по ходу дела. Главное — вытащить нас из этой ямы. Глупо было бы второй раз отказываться от столь

заманчивого предложения — судьба редко бывает настолько щедра, чтобы давать третий шанс.

Я расправила плечи и посмотрела ему прямо в глаза, уже не как просительница, а как деловой партнёр.

— Я согласна, милорд. Но у меня два условия. Первое — со мной будет жить младшая сестра. И второе — мы пропишем пункт о невозможности сексуальных отношений между нанимателем и работником.

Я ждала возмущения или смеха, но виконт лишь деловито кивнул и подозвал писаря. Кажется, такие условия ему ставили не впервые.

Следующие три часа мы «бились» над каждой буквой. Список обязанностей рос: учёт продуктов, контроль расходов, присмотр за кладовой... Шестой пункт в первоначальной версии гласил: «следить за поведением служанок днём и ночью, дабы не допустить распутства». Я воочию представила, как со свечкой в руках патрулирую коридоры, охраняя невинность местных лакеев от озабоченных горничных. Когда я озвучила это виконту, он весело рассмеялся и тут же разрешил подкорректировать фразу на «присмотр в дневное время».

Мы расстались, вполне довольные друг другом. Милорд обмолвился, что ещё не видел работника, который бы так рьяно воевал за пункты договора. А я была на седьмом небе от суммы оплаты — она перекрыла все мои самые смелые ожидания.

— Поладим! — прошептала я, глядя вслед уходящему виконту.

Домой к сестре я летела как на крыльях. Так хотелось скорее её увидеть! А ещё радовало, что сегодня — последняя смена в таверне. Хотя могла бы и не идти. Хозяин знал, что я ищу работу, и у него была одна женщина на примете. Но он был добр к нам всё это время.

На следующий день, пусть он и был пасмурным, у нас с сестрёнкой на душе грело солнышко. Вчера я потратила почти все сбережения, чтобы появиться в доме виконта не бедной посудомойкой, а хотя бы скромной горничной, если уж до экономки я внешне пока не дотягиваю. Платье на мне было из тёплой плотной ткани цвета предгрозового неба и чёрный приталенный пиджак, а на голове — шляпка без всякой мишуры, с маленькими полями. А также, впервые за всё время пребывания в городе, я не стала пачкаться золой. Тугая коса радостно блестела чистотой и натуральным светло-золотистым цветом, а лицо сияло белизной и свежестью. Юнона шла рядом в синем платье и тёмно-синей, почти чёрной кофте.

Мы бодро шагали по широким мощёным улицам Кемара и крепко держались за руки. Город находился в четырёх днях конного пути от столицы. Наверное, близость к самому сердцу человеческих владений в этом пёстром мире и делала город таким чистым и благополучным. В многоликом Эльдере хватало разных обитателей, но здесь, в Кемаре, пока

чувствовалась уверенная и твёрдая рука людей. Конечно, это единственный город, в котором я побывала, и моё хорошее впечатление о нём было отчасти навеяно прошлой жизнью. В моём мире мусор вечно кружил вокруг полупустых урн. Казалось, они стоят там не для чистоты, а служили мишенью для нерадивых баскетболистов, пытавшихся забить трёхочковый через всё поле.

Да не важно. Главное, мне нравился город, и я наслаждалась его чистотой и неспешной жизнью. Магазины, кафе и таверны — всё блистало уютом и неповторимостью. Словно хозяева этих заведений соревновались между собой и доводили свои творения до совершенства: от резных ставен на окнах со всевозможными узорами до многообразных форм и оттенков дверных ручек.

Милорд вчера настаивал, чтобы прислать за нами Мобильный экипаж, но я мягко отказала. Лишнее внимание нам с сестрой ни к чему. Ведь неизвестно, ищут нас родные или нет. Поэтому мы попрощались с хозяином таверны ещё вчера вечером, а сегодня утром по-тихому собрали вещи и ушли. Даже спать не стала после смены. Ничего страшного, потерплю.

Побродив по городу и полюбовавшись на его красоты, ровно без десяти двенадцать мы стояли перед железными коваными воротами особняка милорда.

Дом оказался под стать хозяину — крепким и величественным. Высотой в три этажа, он был выложен из беже-

вого камня с коричневыми мелкими вкраплениями. Под покатой крышей тёмно-вишнёвого цвета угадывался дополнительный этаж — чердак. Две круглые башни по бокам, выложенные из такого же камня, заканчивались остроконечными коническими крышами.

Красивый и благородный дом. Такой красоте хотелось соответствовать. Я уже решила попросить у милорда выплатить мне часть денег, чтобы прикупить ещё одежды для себя и Юноны. Благо, будущая зарплата это позволяла. А ещё мне казалось, что милорд по какой-то неведомой причине завысил сумму ежемесячной выплаты.

Но меня это не напрягало — их, богатых, не поймёшь. Я тоже в прошлом чудила. Такой шанс выпадает раз в жизни, и я намерена использовать его по максимуму. Это не просто работа, это наш с Юноной счастливый билет в нормальную жизнь, и я сделаю всё, чтобы этот контракт не был расторгнут преждевременно. Как долго смогу удержаться в этом доме — не знаю, но сделаю всё, чтобы как можно дольше. Без фанатизма, конечно. Но уж внезапно влюбляться и выходить замуж я точно не собираюсь. По крайней мере, не в ближайшие десятилетия — сейчас мне важнее выжить, а не мечтать.

Я не оговорила. Что такое несколько десятков лет для человеческого мага, если продолжительность их жизни составляет порядка двухсот лет? А в этом мире все люди в разной степени владели магией. Свой возраст я определила чисто интуитивно где-то между семнадцатью и двадцатью. Но

выбрала последнее. Двадцать — это вам не семнадцать, это звучит солиднее. Кстати, день моего появления в мире Эльдер я взяла за дату рождения. Так что десятого сентября этого года буду праздновать День рождения. А Юнона — второго апреля.

В ближайшем будущем я планировала определить наш с Юноной возраст более точно. Такую услугу оказывали Целители. Это стоило денег и времени, чего до недавнего момента у нас не было.

Но дело было не только в цифрах. Была ещё одна вещь, которая не давала мне покоя с самого пробуждения: тот изорванный белый наряд в багровых пятнах, в котором я очнулась в лесу.

Не то чтобы вопрос невинности был для меня делом жизни и смерти — в моём возрасте и с моим прошлым опытом приоритеты обычно расставляются иначе. Но знать правду стоило хотя бы из практических соображений, чтобы в будущем не столкнуться с внезапным сюрпризом или каким-нибудь досадным казусом. Мне была нужна полная определённость относительно состояния тела, которое досталось мне в наследство. Хотелось убедиться, что физическое состояние прежней владелицы не скрывает неприятных сюрпризов, накопленных до моего появления. Справка от Целителя стала бы лучшим залогом моего спокойствия.

А там оформим надёжные документы и откроем счёт в Гномьем банке. У любой независимости должен быть финан-

совый фундамент. Так что всё постепенно налаживается.

Дружно толкнув железную калитку, мы вошли на территорию. Широкая дорожка из разноцветной плитки быстро довела нас до входной двери. Набравшись смелости, я дёрнула за дверной колокольчик, который звонким голосом отозвался внутри. Через полминуты послышались размеренные шаги, и дверь отворилась. Перед нами предстал импозантный мужчина с великолепной осанкой лет пятидесяти. Весь его облик — от безупречно завязанного шейного платка до властного взгляда — выдавал в нём человека, привыкшего распоряжаться чужим временем. Выслушав наши имена и взяв у меня шляпку и сумку, он попросил пройти за ним.

Влас Яродан, виконт Адонийский, принял нас в своём кабинете. Он сразу велел дворецкому, которого звали Гелберт, проводить Юнону в нашу комнату. Меня же виконт пригласил расположиться в одном из удобных кресел у стола. Я опустилась на сиденье, чувствуя себя так, словно пришла на важные переговоры, где на кону стоит не только работа, но и моя свобода.

— Вы сегодня выглядите по-другому, — задумчиво протянул виконт.

— Вы правы, лорд Яродан. Я подумала, что появляться в доме в том виде, в котором я ходила на прежнюю работу, было бы опрометчиво. Хоть и провожают по уму, но встречают по одежке.

— Я рад, что не ошибся на ваш счёт. И прошу впредь об-

ращаться ко мне лишь «милорд». Юлианна, у меня появились срочные дела, поэтому отложим наш разговор и знакомство с работниками на вечер.

— Хорошо, милорд. Но могу я вас попросить выделить мне сейчас половину жалования? Раз появилось свободное время, я хотела бы в срочном порядке пополнить гардероб и обзавестись несколькими необходимыми мелочами.

Виконт на мгновение задержал взгляд на мне, словно взвешивая решение, и лишь затем открыл ящик стола. Достав добротный красный кошель, он отсчитал мне три золотые монеты — без спешки, как человек, делающий продуманное вложение.

Три золотые монеты легли на мою ладонь с приятной тяжестью. В этом мире золото не было цифрами на экране монитора, оно было осязаемым, холодным и очень убедительным. Я смотрела на них и чувствовала, как внутри расправляется пружина, которая была сжата всё это время. Эти кругляши означали не просто новые платья. Они означали, что теперь я — не жертва обстоятельств, а наёмный специалист с подтверждённым бюджетом.

Я благодарно кивнула и спрятала огромную для меня сумму в кармашек.

— Я думал, вы захотите отдохнуть с дороги. Вы можете сходить по магазинам завтра. Я специально выделяю вам время, — предложил мужчина.

— Спасибо, милорд, но лучше сегодня, так как платья на

смену у меня просто нет.

Если он и удивился, то ничем этого не выдал.

— Тогда попрошу вас вернуться к шести часам вечера.

— Обязательно. Доброго дня, милорд.

Глава 4 «Под прицелом чужих глаз»

Далеко идти не пришлось — дворецкий Гелберт, воплощение чопорности и выдержки, ожидал меня на диванчике в просторной прихожей. При виде нас он поднялся, заложив руки за спину.

— Господин Гелберт, не могли бы вы показать нам нашу комнату? — я постаралась придать голосу максимально деловой тон. — Милорд сейчас занят, и я хотела бы успеть прогуляться по городу с сестрой, пока не стемнело.

— Конечно, госпожа Юлианна. Вы не останетесь на обед?

— Нет, благодарю. Но вот ужин мы точно не пропустим, — ответила я и позволила себе лёгкую улыбку.

Мой порыв был встречен каменным спокойствием. Кажется, Гелберта можно было пронять только известием о падении метеорита на особняк, да и тогда он, скорее всего, сначала бы уточнил, в какой форме подавать чай.

— Пройдёмте за мной.

Дворецкий развернулся к парадной маршевой лестнице. Я поспешила следом, увлекая за собой Юнону.

— Разве эта лестница не для хозяев? — поинтересовалась я, скользя ладонью по гладкому, покрытому тёмным лаком дереву перил. Мраморные ступени, застеленные пушистой

красной дорожкой, скрадывали наши шаги.

— Для них, — подтвердил Гелберт, не оборачиваясь. — Но так как дом велик, а кроме милорда здесь редко бывают гости, хозяин отдал весь третий этаж под комнаты для штата.

О, как! Значит, милорд не планирует здесь оседать и бывает наездами.

В моей голове тут же защёлкали счёты: наверняка в столице у него имеется недвижимость помасштабнее. А может, и не одна. Типичный холостяцкий уклад богатого аристократа.

Поднявшись на третий этаж, мы повернули в левое крыло и остановились возле массивной двери.

— Ваша комната, — указал Гелберт. — Свою шляпку найдёте в общей гардеробной на первом этаже, под центральной лестницей. Я уже распорядился выделить вам вешалку и полку для обуви.

— Спасибо, господин Гелберт, вы очень предусмотрительны.

Дворецкий важно кивнул и удалился, оставив нас одних.

Юнона тут же прильнула к высокому окну. Я подошла следом, и у меня перехватило дыхание. Вид открывался на внутренний двор — настоящий шедевр ландшафтного дизайна. Умелая рука садовника превратила его в россыпь цветущих клумб, разделённых аккуратными узкими дорожками. В центре белела изящная резная беседка, похожая на сахарное украшение для торта.

Но любованье — это на потом. Первым делом — деталь-

ный осмотр владений!

Наше новое пристанище встретило нас уютом и простором. Стены приятного сливочного оттенка мягко отражали дневной свет, а высокие потолки дарили то забытое ощущение «воздуха», которого мне так не хватало в тесной камерке. Высокое окно обрамлял кружевной тюль. Слева — добротный рабочий стол (моё будущее министерство!), пара стульев и полки. Напротив — массивный диван, обтянутый кожей шоколадного цвета. Но главное ждало за дверями: полноценная ванная (я едва не замурлыкала, увидев сверкающий кран) и отдельная спальня.

Осмотрев это великолепие, которое после лесной хижины и чердака в таверне казалось дворцом, я не выдержала. Просто закрыла глаза и рухнула спиной на широкую мягкую кровать, раскинув руки.

Это правда? И это не галлюцинация от недосыпа? Непрошенные слезинки всё же просочились сквозь сомкнутые веки и запутались в волосах.

Так, Юля, отставить сырость! Получила «тёпленькое» место и раскисла? Хочешь тут работать? Да! Хочешь задержаться подольше? О да! Тогда взяла волю в кулак и пошла «вертеться», если хочешь и дальше спать на пуховых перинах.

Слезы мигом высохли. И правда, чего это я? Это просто бонус к хорошему контракту. Нюни будем распускать, когда я упаду вот так же на СВОЮ кровать в СВОЁМ доме.

Ванная комната заслуживала отдельного разговора. Я ожидала увидеть грубое литьё и резкие формы, но вместо этого попала в удивительно изящное помещение — с аккуратной ванной и краном, который, судя по тонкому мерцанию воздуха, работал на температурных кристаллах.

Я провела пальцем по сверкающей поверхности, и в голове тут же щёлкнул привычный счётчик: так... амортизация такого оборудования должна быть заложена в бюджет. Если это магия — как часто требуется перезарядка?

Но сразу осеклась.

Юля, выдохни. Ты не на тендере и не на проверке сметы. Ты просто можешь помыться горячей водой — без котлов, дров и беготни с ведрами. Это был лучший бонус к контракту из всех возможных.

А теперь — впредь, за приличным гардеробом!

Магазин мы выбрали в районе попроще, но попримечнее. Хозяйка, госпожа Изиора — дама с невероятно тонкой талией, что мне становилось страшно за её внутренние органы — оказалась само очарование. Её лавка открылась недавно, и она отчаянно нуждалась в клиентах.

— Если цены останутся такими же приятными, а качество — достойным, мы станем вашими постоянными гостями, — пообещала я, включая режим опытного переговорщика.

Изиора, прижав тоненькие ручки к груди, клятвенно заверила, что для «милых леди» скидка будет пожизненной. Оставив адрес для доставки, мы вышли из магазина, чув-

ствуя себя настоящими королевами шопинга.

Затем была обувная лавка хмурого Роджера. Мужчина он был неразговорчивый, смотрел исподлобья, но товар у него был на славу. Мы обзавелись крепкими уличными ботинками и мягкими домашними туфлями.

К четырём часам мы окончательно выдохлись. Ноги гудели, и в животе требовательно урчало.

— Кондитерская! — провозгласила я, указывая на уютный домик с вывеской.

Мы прикупили по два пирожных и чаю, устроившись за столиком прямо на улице. Как же я соскучилась по сладкому! До этого все лакомства доставались Юноне, а я лишь наблюдала. И вот теперь я с таким благоговением отламывала ложечкой кусочки кремового совершенства, что сестра не выдержала и беззвучно рассмеялась. В ответ я показала ей перепачканный в креме язык, и мы обе прыснули, как девочки.

— Милые дамы, не сочтите за наглость, но позвольте угостить вас и составить компанию в столь весёлый час?

Я подняла взгляд. Рядом стоял молодой человек — симпатичный, с лёгкой улыбкой и внимательным взглядом. Типичный «шмель», летящий на яркий цветок. Впрочем, почему бы и нет? Юнона, не обращая внимания на кавалера, продолжала расправляться с пирожным, предоставив разбираться со «шмелем» мне.

Парень представился Керком. Он оказался удивительно

тактичным: не лез в душу, не хвастался, а просто поддерживал легкую беседу. Я поймала себя на мысли, что мне приятно. Приятно снова чувствовать себя молодой привлекательной женщиной, а не замученной посудомойкой.

Когда пришло время прощаться, Керк предложил встретиться снова. Я на секунду задумалась. Нужно ли мне это? Работа экономки требует безупречной репутации...

— Нам здесь очень понравилось, — ответила я дипломатично. — Думаю, мы будем заглядывать сюда на воскресный чай. Если не случится ничего экстраординарного.

Вот пусть теперь думает, «экстраординарно» ли ему это или нет.

Домой мы почти бежали. Боковая дверь для слуг открылась легко, мы потихоньку проскользнули в гардеробную, скинули обувь и босиком прокрались в свою комнату.

Коробки уже ждали нас стопочкой. Юнона с радостным писком (наконец-то она начала проявлять эмоции!) кинулась потрошить свою половину. Я не отставала.

Мой новый арсенал: два платья-униформы — строгое синее и глубокое коричневое. Воротник-стойка, длинный ряд мелких пуговиц, манжеты с белой тесьмой. Приталенный силуэт, расширяющийся к низу — в таком и в пир, и в мир, и к виконту на ковёр. Третье платье — цвета морской волны, мой фаворит для прогулок.

Плюс гора мелочей: сорочки, халат с запахом, чулочки, носочки, панталончики... Я чувствовала себя так, будто со-

брала «приданое» для новой личности.

Местная мода меня радовала: никаких кринолинов и безумных юбок. Всё функционально и элегантно. Конечно, я до боли в сердце скучала по джинсам и удобным топикам, но... человек — существо приспособляемое. Можно пережить отсутствие привычной одежды ради новой жизни.

Я облачилась в синюю униформу. Пуговицы казались бесконечными. Когда последняя была застёгнута, я подошла к зеркалу и.. едва не взвыла.

Из отражения на меня смотрела школьница. Очаровательная, золотоволосая, но — школьница!

— Ну, какая из тебя экономка, Юлька? — прошептала я, критически осматривая лицо. — Тебя же за сигаретами не пустили бы...

Я принялась колдовать над причёской. Сначала хвост, потом коса, потом пучок. Пучок получился тяжёлым, шпильки впивались в голову, как пыточное устройство. Расплела. Сделала две косы, уложила их короной... Всё не то! Слишком юная, слишком нежная.

Я попробовала нахмуриться, чтобы между бровями появилась та самая «директорская» морщинка. Глухо. Кожа была гладкой, как атлас.

— Бесит! — я топнула ногой. — Эта родинка над губой... С ней лицо кажется слишком мягким, почти беззащитным. А мне сейчас нужна строгость, а не намёк на кокетство.

Только я успела отойти от зеркала, чтобы сиюминутно не

начать красить волосы в радикально чёрный цвет угольной пылью, как в дверь постучали.

— Госпожа Юлианна, вас ожидает милорд, — раздался голос Гелберта.

— Иду, господин Гелберт.

Я чмокнула счастливую Юнону в щёку, подхватила тетрадь с пером (моё главное оружие!) и направилась в кабинет.

Домашняя Юля осталась за этой дверью вместе с сестрёнкой, коробками и эмоциями. Дальше шла экономка — человек, который задаёт вопросы, фиксирует ответы и не извиняется за необходимость ясности. Роли в этом мире менялись быстро. Главное — не перепутать, какую именно ты сейчас играешь.

Уже перед самой дверью я на секунду остановилась. Глухой вдох, плечи назад, шаг ровнее.

Виконт встретил меня взглядом, в котором сквозило холодное, почти научное любопытство.

— Вы снова сменили образ, Юлианна. Это... любопытно.

— Скорее, я нашла тот, что соответствует моим целям, милорд, — ответила я, занимая кресло напротив. Я не ждала приглашения, но сделала это с такой естественной грацией, что это не выглядело дерзостью.

Виконт едва заметно приподнял бровь. Его взгляд скользнул по моей тетради.

— Вижу, вы настроены решительно. Что ж, не будем тратить время на светские пустяки. Я ценю конкретику.

— В таком случае, перейдём к делу, — я открыла чистую страницу. — Мне нужны ответы на ключевые вопросы управления. Первый: кому я подчиняюсь напрямую?

— Мне, — коротко отрезал виконт. — В моё отсутствие высшим авторитетом в этом доме является Гелберт. Однако его полномочия заканчиваются там, где начинаются условия вашего контракта. Он не вправе принуждать вас к действиям, выходящим за рамки ваших обязанностей.

Я сделала пометку, чувствуя, как внутри просыпается привычный азарт переговоров.

— Могу я услышать круг обязанностей господина Гелберта? Чтобы избежать пересечения зон ответственности.

Виконт усмехнулся — скупое, одними уголками губ.

— Гелберт — это тень и разум этого особняка. Он мой камердинер. Его забота — мой гардероб, оружие, поклажа и личная безопасность. Он ведаёт почтой и мужской частью слуг. Он — основа моего комфорта.

— Понятно. Каков общий штат персонала?

— Восемь человек, включая вас. Повар Лоренс — он единственный правитель кухни, но подотчётен вам в вопросах бюджета. Его помощник, юный Маркел. Натан, наш водитель. Садовник Теодор. И две горничные — Фаиза и Эльвина. Последние переходят в ваше полное распоряжение.

Итого шесть человек. Не считая меня и Гелберта. Ну, с таким коллективом я справлюсь, даже если половина из них решит устроить забастовку.

— Как часто вы планируете посещать особняк, милорд?

— Мой график зависит от дел в столице. Обычно я про-
вожу здесь один месяц в сезон.

Цифры в голове сложились моментально. Восемь месяцев в году без прямого надзора начальства? Это не просто работа, это подарок судьбы!

Договор мы скрепили подписями. Виконт настаивал на бессрочном найме, но я стояла на своём. Годовой контракт — это понятные сроки и юридическая броня. Бессрочность в этом мире слишком уж напоминала мне завуалированное рабство.

— Вопросов больше нет... на данный момент, — я закрыла тетрадь.

— Любопытное сочетание, — произнёс виконт ровно, поправляя манжеты. — Жёсткая логика при столь мягкой внешности. Знаете, Юлианна, ваша суровость наводит на мысли, что Лоренсу скоро понадобятся успокоительные капли.

Он на мгновение замолчал, его взгляд стал пронзительным, лишённым всякой весёлости.

— Буду с вами откровенен. Несмотря на ваш... впечатляющий напор, ваша юность — это фактор риска. Слуги здесь работают годами. Боюсь, им будет непросто склонить голову перед столь молодой экономкой. Вам придётся проявить не просто твёрдость, а сталь. Вы готовы к этому?

Я спокойно встретила его взгляд, не позволяя раздраже-

нию просочиться наружу. Его опасения были логичны: в этом мире двадцать лет — это возраст мечтаний, а не аудита кладовых. Виконт не знал, что под этой «цветочной» внешностью скрывается опыт Юлии Зотовой, привыкшей усмирять и не таких «зубров» в офисных джунглях.

К тому же, в моей нынешней родословной обнаружился весьма любопытный нюанс: где-то в седьмом или восьмом колене среди предков затесался вампир — случай для человеческого рода почти уникальный. На внешности это генетическое «наследство» никак не отразилось, сохранив мою обманчивую хрупкость, зато подарило приятные бонусы: несколько лишних столетий жизни и пару из их специфических особенностей.

— Я понимаю ваши опасения, милорд, — ответила я ровным, уверенным голосом, глядя ему прямо в глаза. — Авторитет не всегда зависит от количества седых волос или сурового взгляда. Уверяю вас, я справлюсь с этой должностью.

Виконт на мгновение отвёл взгляд, словно взвешивая мои слова на невидимых весах. Когда он снова посмотрел на меня, в его глазах читалось не только серьёзное отношение к делу, но и некое подобие уважения к моей хватке.

— Юлианна, я доверяю своей интуиции, иначе вы бы здесь не сидели. Но как хозяин особняка я обязан страховать риски. Ваше прошлое — закрытая книга. Поэтому я прошу вас и вашу сестру принести магическую клятву не причинять вреда. Это формальность, которая позволит нам работать в

атмосфере доверия.

Я едва сдержала облегчённый вздох. Да хоть десять штук! После всех моих опасений это условие казалось самым простым и честным. Мне нечего было скрывать в плане злых умыслов: я пришла сюда работать, строить будущее для сестры, а не плести интриги или подсыпать яд в вино. Моя совесть была чиста, как свежесвыпавший снег в лесу Бабушки.

— Я согласна, милорд. Это справедливое требование, — кивнула я, но тут же замаялась. — Однако есть одна сложность: Юнона не может говорить. Она не сумеет произнести слова клятвы вслед за вами.

— Это не препятствие, — ответил он, и в его голосе прозвучала спокойная уверенность человека, привыкшего к магии. — Амулет считывает суть намерения, а не звук голоса.

Мы поднялись на третий этаж. Юна вскочила при виде хозяина, робко склонив голову. Влас Яродан ответил ей коротким, исполненным достоинства кивком. Он не сюсюкал с ней, но и не игнорировал — идеальная дистанция милорда по отношению к подопечной.

Он достал из кармана серебряный кулон в форме переплетённых корней.

— Коснитесь металла. Просто подтвердите делом то, что обещали на словах.

— Юнона, — я подошла к сестре и взяла за руку, чувствуя её лёгкое напряжение. — Милорду нужно, чтобы мы вместе дали небольшое обещание. Это простая формальность, что-

бы все в этом доме спали спокойно.

Юнона кивнула сразу — послушно, без колебаний, как всегда, когда речь заходила о правилах и чужой воле. Но её согласие было внешним. Я это почувствовала не по жестам, а по тому, как на долю секунды изменилось её дыхание и как напряглись пальцы, которые она сжала в кулачки. Не от страха — от понимания. Она смотрела не на виконта и не на меня, а на сам кулон, будто чувствовала в нём больше, чем просто зачарованный металл.

Я тоже задержала дыхание, прежде чем коснуться амулета.

Стоило нам прикоснуться к холодному серебру, как амулет вспыхнул ровным, пронзительно-синим светом. Холод серебра неприятно отдавался в коже. И в тот же миг я ясно поняла: подобные артефакты реагируют не на звук голоса и не на слова, а на саму природу крови.

Именно это ощущение и вытолкнуло на поверхность память — разговор с Бабушкой, о том, чем на самом деле она тогда вытащила меня с того света.

...На второй день, когда я смогла встать на ноги, я спросила Бабушку про рецепт её чудодейственного настоя.

— Травки как травки, — ответила она. — А помогла тебе обычная кровь.

— Как кровь? Чья?!

— Ну, человеческой тут не достать, а жаль... Пришлось мишке посылать за оленем.

Меня после этих слов выворачивало так, что я едва не выплюнула собственные лёгкие. Но это было правдой. Моё новое тело требовало специфической «подпитки» для исцеления...

— Ну, вот и прекрасно. Теперь все сомнения в прошлом, - виконт убрал амулет и указал на дверь.

— Позвольте представить вас «личному составу». Юнона, ты можешь остаться здесь.

Сестрёнка вопросительно взглянула на меня. Я ободряюще улыбнулась ей и едва заметно кивнула головой.

— Оставайся, милая. Тебе нужно отдохнуть и разобрать свои новые книжки, — я ласково коснулась её плеча. — А я скоро вернусь, и мы вместе пойдем ужинать.

Юна послушно кивнула, но прежде, чем отойти, на мгновение сжала пальцы в кулачки и бросила настороженный взгляд на серебряный амулет. Лишь после этого она направилась к дивану, где лежала её стопка покупок.

Я облегчённо выдохнула. И правильно — незачем ей присутствовать при моём «боевом крещении». Слуги — народ сложный, и я не хотела, чтобы она видела их оценивающие, а возможно, и враждебные взгляды. С этим «логовом» я разберусь сама.

Мы вышли из комнаты. Виконт шёл впереди — его уверенная, лёгкая походка аристократа подчеркивала статус хозяина этого дома. Глядя на его прямую спину и слушая размеренный стук наших каблуков по дороговому паркету, я

невольнo погрузилась в мысли.

Бабушка говорила: «Деточка, та жизнь и те законы, по которым ты жила, здесь не применимы. Не отпустишь прошлое — не выживешь».

Я смотрела на резные панели стен, на старинные портреты в золоченых рамах и понимала, насколько она была права. В прошлом я была равной мужчинам: сама строила карьеру, имела счета, права и связи. Здесь же, в Эльдере, я начинала даже не с нуля, а с глубокого минуса.

В этой реальности большинство женщин мечтают лишь о замужестве или, в лучшем случае, о крохотной лавке шляпок. Даже сильная магия не давала свободы — она была привилегией аристократов, которые предпочитали удачно выдать дочерей замуж, чем отправить их грызть гранит науки в Академию.

«Приспосабливайся или исчезни», — вот что на самом деле имела в виду старушка.

Ну что ж. Пусть у них свои правила, веками вросшие в эти мраморные стены. У Юлии Зотовой всегда были свои. И если для того, чтобы выжить и защитить Юнону, мне нужно на время спрятать когти под кружевными манжетами экономки — я это сделаю.

Мы миновали последний поворот коридора, и впереди показалась широкая лестница, ведущая в холл. Там, внизу, уже выстроились те, чьи судьбы и ежедневный комфорт отныне будут зависеть от моих решений.

— Готовы, госпожа экономка? — не оборачиваясь, тихо спросил виконт, словно проверяя не слова, а внутреннюю готовность.

— Всегда готова, милорд.

Глава 5 «Тени особняка и Вишнёвый глинтвейн»

Знакомиться с персоналом я шла, как на заседание совета директоров враждебной корпорации: спина прямая, взгляд уверенный, а внутри — лёгкий мандраж. О хороших отношениях я и не мечтала, мне хватило бы простого соблюдения трудовой дисциплины. Люди везде одинаковы — будь то технологичная Земля или магический Эльдер: никто не любит новую «выскочку», особенно если она молода и хороша собой.

Оказалось, всё намного хуже, чем я предполагала.

Внизу, в просторном холле, уже выстроились шесть человек — четверо мужчин и две девушки. Всё выглядело безупречно: выглаженные фартуки, накрахмаленные воротнички и прямые спины. Со стороны это напоминало парад образцовых слуг из старых романов.

Виконт остановился на верхней ступени лестницы, и в холле мгновенно воцарилась тишина. Он не стал прибегать к напыщенным речам. Его голос звучал ровно и властно, разносясь под сводами потолка:

— С сегодняшнего дня госпожа Юлианна вступает в должность экономки этого особняка. Она наделена всеми полномочиями по управлению хозяйством и бюджетом. Я

ожидаю от вас того же усердия и почтения, которое вы проявляете ко мне.

Слуги синхронно и смиренно склонили головы. Виконт кратко добавил, что мой опыт и грамотность не вызывают у него сомнений, а любые попытки оспорить мои распоряжения будут расцениваться как неуважение к его собственному выбору.

Это было идеальное вступление: он не «хвалил» меня как любимицу, а представлял как своего представителя, надёжного властью. Слуги вежливо улыбались и согласно кивали на каждое его слово. Казалось, мир и согласие воцарились в этом доме раз и навсегда.

Я была благодарна Власу за эту холодную, статусную поддержку, но моя управленческая «чуйка» не просто шептала — она вопила: «Это маска!».

За годы работы с людьми я научилась безошибочно отличать искреннее уважение от хорошо отрепетированного спектакля для начальства.

Лоренс на мгновение слишком сильно сжал челюсти. Натан едва заметно переглянулся с Маркелом. В глазах горничных под прикрытием опущенных ресниц промелькнул колющий холод.

Натан улыбался вместе со всеми, но его взгляд задержался на мне на долю секунды дольше положенного — липко, оценивающе, будто он примерял на ладонь мою шею. Я сле-

лала вид, что не заметила.

Сейчас они играли роль преданных вассалов, потому что на них смотрел милорд. Но я кожей чувствовала: как только виконт покинет особняк, этот «парад» превратится в поле боя.

Так и вышло. Едва «кот-виконт» скрылся за воротами по своим срочным делам, «мышь-работники» не просто пустились в пляс — они начали полномасштабную партизанскую войну.

Первыми «в атаку» пошли горничные, Фаиза и Эльвина. Две девицы из простых семей, которые явно метили на моё место и не понимали, почему «какая-то замарашка из таверны» вдруг завладела ключами экономки. Сплотились они мгновенно. Схема была классической: саботаж через мнимые болезни. У одной «стрельнуло» в спине, у другой — «мигрень и упадок сил».

— Что ж, — спокойно отвечала я, глядя в их честные-пречестные глаза. — Работа сама себя не сделает. Раз Эльвина больна, Фаиза, бери тряпку, идём убирать вместе. Покажу тебе стандарты качества.

Я вставала рядом и драила полы. Раз, другой, третий. Это не было попыткой заслужить их любовь. Я документировала время, необходимое на уборку комнаты, и количество моющих средств. На четвёртый раз, когда они «заболели» одновременно, я поняла — первая фаза проверки завершена, и отправилась к Гелберту. Дворецкий лишь развёл руками: «Я

за них работать не буду, госпожа Юлианна. Раньше они были чудо как хороши, а теперь... Видимо, климат в доме сменился». Тонкий намёк на то, что «климатом» была я.

Саботаж цвёл пышным цветом везде. Повар Лоренс, этот кухонный диктатор, внезапно «забыл» арифметику. Его отчёты превратились в ребусы, где цифры не бились на десятки золотых. Садовник Теодор «путал» сорта роз и закупал дорогушие удобрения, которые потом бесследно исчезали. В доме воцарилась атмосфера ледяного отчуждения.

Только Гелберт оставался нейтральным. Он не участвовал в травле, но и пальцем не шевелил, чтобы её пресечь. Наблюдал, как энтомолог за бьющейся в банке мухой.

Что ж, я тоже «играла». Я намеренно позволяла себе выглядеть уставшей, а моей «нервности» позавидовали бы лучшие актрисы столичных театров. Это была классическая управленческая ловушка — имитация слабости перед решающим броском.

Я позволяла мелким, несущественным ошибкам проskalзывать в мои распоряжения, давая саботажникам повод для тайного торжества. Пусть Лоренс и девицы думают, что их тактика измора приносит плоды, что я «плыву» и теряю контроль. В бизнесе это называется «созданием ложного чувства безопасности». Когда противник уверен, что ты на грани срыва, он становится самоуверенным и — что важнее всего — перестаёт тщательно замечать следы.

Хронический недосып я использовала как естественный

грим, а ожидание подвоха превратила в охотничий азарт. Пока они праздновали мою воображаемую капитуляцию, я методично подшивала к делу каждый их реальный промах.

Бежать с доносом к виконту? Исключено. Это было бы признанием моей полной профнепригодности. Зачем Власу экономка, которая не может приструнить пару горничных и вороватого повара? Он знает этих людей годами, а меня — всего пару дней, и любой мой «сигнал» навверх выглядел бы как попытка свалить собственные неудачи на коллектив.

Нет, я собирала рычаги давления исключительно для личного пользования. Мне нужен был один крупный, неоспоримый инцидент — та самая «точка невозврата», которая позволит мне запереть их в кабинете и провести сеанс шоковой терапии. Я не собиралась их увольнять, я собиралась их переломить. Сделать так, чтобы они боялись моего взгляда больше, чем гнева хозяина.

Я не знала точно, какой именно случай станет тем самым рычагом, и не торопила события. Время было моим союзником, а их самоуверенность — моей главной зацепкой.

А если не выйдет... что ж, по крайней мере, я буду знать, что сделала всё возможное и не сдалась без боя. В конце концов, этот мир играет по своим правилам, и я могу проиграть, но я хотя бы попытаюсь навязать ему свои.

...В это время я часто вспоминала Бабушку. Мы прожили вместе семь месяцев, и она часто наставляла меня, пока я практиковала бытовую магию.

— *Трудно тебе придётся, деточка, с твоим-то характером, — вздыхала она, глядя, как я яростно оттираю заклинанием Чистки закопчённую кастрюлю. — И внешность у тебя... приметная. В этом мире это и дар, и проклятие. Знать бы, кто ты и откуда, всё было бы легче. Ищи работу у людей, а как накопишь — иди в Академию или открывай своё дело. Магия у тебя сносная, резерв крепкий.*

— *Главное — выжить, Бабуль, — отвечала я тогда...*

Моей единственной отдушиной стали воскресенья. Мы с Юноной уходили в город, ели пирожные в кондитерской и болтали с Керком. Его общество было глотком свежего воздуха. Вот и сегодня, вернувшись с прогулки, я чувствовала себя непривычно бодрой. Даже косые взгляды повара не портили настроения.

Я сидела в комнате, заполняя журнал, когда в дверь постучали.

— Госпожа Юлианна, — Гелберт был сама официальность. — Милорд прибывает завтра утром. Нужно проверить комнаты. Горничные ждут внизу.

Рука с пером замерла, оставив на пергаменте жирную, некрасивую кляксу. Я медленно отложила его в сторону, чувствуя, как внутри всё сжимается в холодный узел.

Вот и всё. Вот и наступил мой «час икс». Тот самый момент истины, к которому я готовилась, выстраивая свою сложную партию в тени. Я ждала крупного прокола, ждала момента, чтобы прижать саботажников к стене их же соб-

ственными грехами до того, как на пороге появится Влас Яродан. Я хотела встретить его как полноправная хозяйка этого дома, усмирившая бунт...

Но, похоже, ничего не вышло. Время, мой главный союзник, внезапно превратилось в палача. Ловушка не захлопнулась, саботаж остался безнаказанным, а моя папка с компроматом всё ещё казалась мне недостаточно весомой для того «перелома», который я планировала. Слуги выстояли, дотянув до приезда хозяина, и теперь инициатива была в их руках.

Что же теперь будет? Завтра виконт увидит особняк, в котором экономка едва держится на ногах, а персонал улыбается с той самой вежливой миной, за которой скрывается скорое торжество. Один их коллективный донос — и моя «юридическая броня» в виде контракта может превратиться в обычный клочок бумаги.

Я глубоко вздохнула, глядя на своё отражение в окне. Бледная, с кругами под глазами... Идеальный образ проигравшей девчонки.

— Благодарю, господин Гелберт. Я сейчас спущусь, — отозвалась я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

Я переоделась в рабочую униформу и спустилась. Девушки стояли внизу, нервно теребя фартуки.

Ну конечно! Стоило на горизонте замаячить фигуре хозяина, как в особняке случилось массовое исцеление. Хромые пошли, незрячие прозрели, а «умирающие» от мигрени гор-

ничные вдруг обрели такую прыть, которой позавидовали бы олимпийские чемпионы.

В моём прошлом это называлось «Эффектом присутствия руководства». Когда страх перед вышестоящим начальством мгновенно вытесняет любое желание бунтовать. Классика корпоративного театра.

Я не стала тратить время на сарказм — сейчас мне нужен был результат, и махнула рукой:

— За мной. Работы много.

Следующие несколько часов превратились в марафон. Саботаж испарился, уступив место демонстративному рвению. Девушки летали по комнатам со скоростью магических вихрей, Лоренс на кухне гремел кастрюлями так вдохновенно, будто готовил на королевский пир, а не обычный завтрак, а Теодор в саду стриг кусты с точностью хирурга.

Мы закончили только к одиннадцати вечера. Дом не просто сиял — он слепил своей чистотой. Каждая хрустальная подвеска на люстрах, каждый дюйм паркета дышали готовностью к инспекции.

Уже выходя из кухни, я краем глаза уловила движение у лестницы: Натан стоял подозрительно близко к проходу и слишком быстро отвёл взгляд, словно проверяя, одна ли я.

Я буквально валилась с ног, поэтому не придавала этому значения. Тело ныло от усталости, а в голове была лишь одна мысль: горячая ванна и провалиться в сон хотя бы на пару часов. Но стоило мне начать подъём в свои покои, как на

лестнице между вторым и третьим этажом меня ждало препятствие.

Натан. Наш водильщик. Он стоял, преграждая путь, и держал в руке алую розу.

— Господин Натан? — я внутренне подобралась. — Что вы здесь делаете в такой час?

— Жду вас, о прекраснейшая Юлианна, — он улыбнулся, но улыбка не затронула его масляных глаз. — Разве вы не видите? Вы украли моё сердце.

— Я очень устала. Давайте поговорим завтра.

Я попыталась пройти мимо, но он внезапно растерял всю свою слащавость. Роза была отброшена в сторону. Одним резким движением он прижал меня к себе, зажав рот тяжёлой, пахнущей табаком ладонью.

— Я поговорю с тобой сегодня, — прорычал он мне в ухо. — И не только поговорю.

Он поднял меня, как тряпичную куклу, и потащил вверх по лестнице. Я брыкалась, пыталась укусить его за руку, но в этого человека будто вселился демон — сила была предельной. Швырнув меня на ковер в своей комнате, он начал лихорадочно срывать с себя одежду.

— Орать не советую, — он сплюнул, борясь с непокорными пуговицами. — Завтра я скажу милорду, что ты сама ко мне пришла. Тебя вышвырнут с позором.

Я сидела на полу, чувствуя, как ледяной гнев медленно, слой за слоем, вытесняет панический страх. Моё сознание,

закалённое в корпоративных войнах и жёстких переговорах, включило кризисный режим.

Ситуация требовала не силы, а трезвого анализа.

Натан был мужчиной — выше среднего роста, с тяжелова- той фигурой и дёргаными, лишёнными ритма движениями человека, привыкшего действовать на импульсе, а не на мыс- ли, поэтому тягаться с ним силой было бессмысленно. Ком- ната заперта, старый особняк надёжно гасил звуки, и кричать здесь — всё равно, что шептать в пустоту. Магии у меня хватит разве что на мелочи. Это минусы.

Зато он опьянён ощущением власти, уверен в собствен- ной безнаказанности и потому переоценивает своё домини- рование. Он уже записал себя в победители, расправил пле- чи, действует грубо и самоуверенно — и именно в этом, в его уверенности, что я сломлена и беспомощна, и кроется его слабость.

Пока я быстро анализировала ситуацию, Натан тем вре- менем разоблачался с какой-то остервенелой скоростью. Ти- шину комнаты разрывал треск рвущихся петель и тяжёлое, хриплое дыхание человека, окончательно потерявшего чело- веческий облик. Пуговицы летели во все стороны, как шрап- нель. Одна из них — ярко-голубая, глянцевая — с сухим стуком ударилась о ножку кровати и, прочертив дугу по ко- вру, откатилась прямо к моим ногам.

Я медленно, почти грациозно, протянула руку и накры-

ла её ладонью. Холодный металл ощущался под кожей как нечто запредельно реальное.

— Холодная... — произнесла я тихо. Мой голос прозвучал странно — в нём не было ни дрожи, ни мольбы. Только сухая констатация факта.

Натан замер, на мгновение перестав бороться с ремнём.

— Что ты там лепечешь? — он ослабил, вытирая пот со лба. — Совсем рассудок потеряла от счастья?

Я сжала пуговицу в кулаке так сильно, что края впились в ладонь. Эта маленькая деталь стала моей точкой опоры. Пока он суетился, превращаясь в потное, хрипящее животное, я собиралась по частям. Я рассматривала его не как мужчину и даже не как насильника, а как техническую неисправность, которую нужно устранить.

Мой мозг продолжал выводить «данные» на внутренний экран. Я видела его потную шею, пульсирующую вену на виске, покрасневшее лицо. Он был открыт. Он был уязвим в своей уверенности, что я — всего лишь перепуганная девочка.

— Знаешь, Натан, — я начала подниматься, медленно, опираясь на бортик кровати. Каждое моё движение было выверенным и точным. — В моём мире говорят, что дьявол кроется в деталях. Например, в оторванных пуговицах.

Я разжала кулак и посмотрела на голубой кругляш на ладони. В тусклом свете лампы он казался зловещим глазом. В этот момент я почувствовала, как в глубине моего существа

что-то провернулось. Словно старый замок, который не открывали веками, наконец, поддался.

Натан сделал шаг ко мне, его лицо исказилось от злобы и нетерпения.

— Ты что, за дурака меня держишь?! — рявкнул он, замахиваясь. — Я тебе сейчас покажу и детали, и дьявола!

Удар пришелся по щеке. Голова мотнулась, во рту мгновенно разлился горячий металлический вкус. Но вместо боли я почувствовала... триумф.

«Кровь», — запело внутри что-то тёмное и древнее.

Я не упала. Я лишь медленно повернула голову обратно к нему. Мой взгляд, должно быть, стал другим, потому что Натан, уже собиравшийся схватить меня за плечи, вдруг замер на полуслове.

— Вкус... — я провела кончиком языка по разбитой губе, собирая первую каплю. — Вишнёвый глинтвейн... С корицей... Натан, ты даже не представляешь, какую ошибку совершил.

Я провела пальцем по разбитой губе, слизнула густую, теплую каплю и.. невольно зажмурилась от наслаждения.

— Ты что делаешь? — испуганный шёпот Натана заставил меня открыть глаза.

Я улыбнулась. И по тому, как он вжался в дверь, поняла: что-то изменилось.

— У тебя... у тебя клыки! — пролепетал он.

Я медленно провела кончиком языка по зубам, и сердце на

миг пропустило удар — не от страха, а от дикого, пьянящего восторга. Два острых, как бритвы, резца послушно удлинились, меняя мой прикус. В ту же секунду по венам разлился холод — чистый, первобытный, словно я глотнула жидкого льда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.